

ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ РОССИИ КАК ЦИВИЛИЗАЦИИ

*Сергей Георгиевич Кара-Мурза
член Национального Совета
политической партии «ЗА НАШУ РОДИНУ!»*

Примем как постулаты следующее:

- Россия – одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами.

- Цивилизации, будучи большими системами, могут или развиваться, или деградировать. Зстой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации.

- Понятие «жизнеспособность» в отношении цивилизации как продукта культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс) есть метафора. Она предполагает состояние нежизнеспособности, которое ведет к смерти цивилизации.

В реальной истории речь идет не о гибели цивилизаций, а об их глубокой перестройке (смене формата). С этой оговоркой и будем употреблять слово «жизнеспособность».

Доклад не ставит целью представить всю систему процессов и явлений, определяющих жизнеспособность нынешней России. Тем более невозможно предложить систему параметров, индикаторов и критериев, позволяющих адекватно оценить состояние нашей цивилизации и динамику изменения ее жизнеспособности. В докладе предлагается подход к решению этих задач, если бы на них был дан социальный заказ. Этот подход поясняется общеизвестными фактами, приводимыми лишь в качестве примеров.

Мы говорим о жизнеспособности России как целого. Самой крупной целостностью будем считать Россию как цивилизацию. В большинстве случаев ее размеры совпадают у нас с размерами страны, но в ряде важных смыслов пространство цивилизации выходит за географические границы Российской Федерации – например, такая важнейшая система цивилизации, как русская культура.

Здесь мы не будем вдаваться в вечную дискуссию о том, что такое цивилизация. Напомним лишь элементарные сведения и наметим те рамки, в которых будет вестись наш разговор. Под Россией как цивилизацией мы понимаем большую и устойчивую (долговременную) систему, собравшую на общей мировоззренческой и социальной матрице большое число культурных и этнических общностей вокруг общего (системообразующего) ядра – русского народа и русской культуры.

В Новое время, по мере того как складывалась современная западная цивилизация («Запад») и колониальные империи, в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни человека – цивилизованного и дикого. В XVIII веке и вошло в обиход слово «цивилизация» (во французском языке). Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости.

С самого возникновения понятия оно означало оппозицию «цивилизация – Природа» и «цивилизация – дикость» (иногда выражаются мягче – варварство). Считалось, что в пределах западной культуры человек живет в цивилизованном (гражданском) обществе, а вне этих пределов – в состоянии «природы». Представление о гражданском (цивиленном) обществе возникло в так называемой натуралистической школе политической мысли, которая противопоставляла «естественное» общество (*societas naturalis*) «цивилизованному» или гражданскому (*societas civilis*).

В начале XIX века в ходе становления мировой колониальной системы (первая волна «глобализации») возникла «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация. В ином смысле словом «цивилизация» стали обозначать стадию развития общества, следующую за дикостью и варварством. Говорят «человеческая цивилизация», понимая ее как результат прогрессивного развития человечества в целом. В романтической историографии XIX века, с ее апологией «почвы и крови», стало развиваться понятие локальных цивилизаций.

В трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций. Сложился цивилизационный подход к взгляду на историю. Из него исходили философы и политики, даже исповедуя более абстрактные формационные подходы (это видно в трудах самого Маркса). Изучение истории, развития и актуального состояния стран в рамках цивилизационного подхода стало частью рационального, в том числе научного, знания.

Государственная власть вырабатывает доктрину своей политики и принимает стратегические решения, исходя из цивилизационных представлений о своей стране. В Средние века эти представления выражались на языке религии, в Новое время были выработаны светские понятия – культура и цивилизация, нация и национальная идея, геополитика.

В XX веке было уже невозможно представить себе рациональные действия власти

большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты, доходящие до гражданских войн. В таких цивилизационных кризисах активную роль всегда играет государство, переживая при этом внутренние расколы и конфликты.

В России начала XX века западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, казалось бы, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные образы будущего, разные цивилизационные проекты. Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал советский проект.

В основном споры шли о проекте модернизации России, то есть о ее развитии во взаимодействии с Западом, но уже у большевиков в картине мироустройства на арену выходят цивилизации Востока. Цивилизационное строительство СССР шло под влиянием концепции евразийства – учения, в котором был систематизирован и «онаучен» длительный опыт формирования и развития Российской империи как евразийской цивилизации.

Цивилизация – категория сопоставительная. Мы понимаем ее как систему отличий нашей цивилизации от иных, а схожие черты (которых, разумеется, большинство у всех культур и народов) воспринимаются как фон, о них практически не говорят. Сравнение «Россия – Запад» или «Франция – Англия» в цивилизационном плане ведется как оппозиция образов (этот подход и называется оппозиционизм), а часто и как «конфликт», понимаемый в широком смысле.

В дальнейшем мы будем исходить из того, что Россия – одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами. Она, однако, переживает длительный цивилизационный (системный) кризис.

Учтем также, что застой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации. Признаки деградации некоторых структур цивилизации появляются раньше, чем у систем более низкого уровня сложности (например, стран). Так, уже в 1970-е годы проявились системные признаки кризиса индустриализма как «матрицы» основного уклада жизнеустройства промышленно развитых стран. Тогда и возникла концепция «третьей волны» цивилизации, постиндустриализма и постмодернизма. Какого-то глубокого кризиса отдельных систем конкретных стран и государств (например, политических и экономических) еще не чувствовалось.

Экономика и военная мощь СССР в 1970–1980-е годы тоже были на подъеме, но мировоззренческая основа всего советского цивилизационного проекта явно погружалась в кризис. Его природу было трудно описать в терминах формационного подхода, и приходилось давать ему неадекватные объяснения вроде «краха экономики» или «отсутствия многопартийности».

Угрозы цивилизации выглядят как факторы снижения ее «жизнеспособности». В обыденное сознание вошел образ гибели цивилизации. Приводятся примеры таких исторических событий – гибель Древнего Египта или Рима, гибель цивилизаций майя и ацтеков уже на заре Нового времени. Иногда предсказывают и гибель России как цивилизации.

Это, думаю, надо понимать как художественные образы. В жестких, строгих понятиях эту гибель представить трудно. Ее мы воспринимаем лишь много веков спустя, оглядывая историю за длительный период времени. На деле всегда имеет место постепенное смешение культур и населения, которое современниками не воспринимается как гибель цивилизации (точнее, гибель воспринимается как метафора). Древний Рим «погибал» четыре века, а затем реформировался в Священную Римскую империю с латынью как общим языком церкви, культуры и образования, философией Аристотеля и множеством унаследованных от Рима ценностей. Византия тоже «погибала» три века, а цивилизация ацтеков и до сих пор активно «участвует» в жизни Мексики – достаточно посмотреть настенную живопись Мехико или почитать литературу.

Даже самое страшное нашествие или ядерная война не могут «уничтожить» Россию или ее народ. Но они могут настолько изменить материальные и культурные условия бытия народа России, что произойдет разрыв непрерывности в развитии сложившегося в России жизнеустройства. Это значит, в короткое по историческим меркам время Россия будет так «реформатирована», что наши предки, «взглянув с небес», ее бы не узнали, даже если бы названия городов и имена людей остались прежними. Гибель России – это «стирание» ее центральной мировоззренческой матрицы и ценностной шкалы. Такая катастрофа очень маловероятна, но одновременная деградация многих системообразующих для России структур делает ее в принципе возможной.

Каков эффект буквального понимания метафоры «гибели России»? Он выражается в том, что в течение двадцати лет тяжелого кризиса все внимание общества направлено на конъюнктурные, злободневные проблемы и отвлечено от фундаментальных угроз. Все мы увлечены необходимостью спасти Россию от немедленной гибели, и нет времени задуматься о массивных медленных процессах, подтачивающих ее основания. Давайте взглянем на ход событий в более долгой перспективе, подумаем о подготовке оборонительных рубежей против угроз, которые еще не подошли вплотную.

По мере возможности не будем применять аналогию цивилизации с организмом. Биологическая метафора предлагает слишком похожий образ, и мы невольно впадаем в гипостазирование – принимаем понятие за реальную устойчивую сущность. Будем использовать простую аналогию, полезную для структурирования проблемы – живучесть корабля. Представим себе Россию как корабль, плывущий во времени и в многомерном пространстве бытия. Эта механическая метафора не слишком вульгаризирует проблему и в то же время не позволяет забывать, что это всего лишь метафора.

Читаем: «Живучесть судна – способность судна при получении повреждений сохранять свои эксплуатационные и мореходные качества».

В чем сходство, допускающее эту аналогию? Корабль и цивилизация – сложные конструкции. Оба они – продукт культуры, а не «организмы», творение Природы (или божественных усилий). Они движутся во внешней среде, отграниченные от нее специально и сложно построенными барьерами, через которые осуществляется «обмен вещами, энергией и информацией» со средой. Эта среда подвижна и бывает агрессивной, создавая угрозы (вызовы), чреватые гибелью. Гибелью грозят и столкновения с «гомологом» – кораблем (иногда целенаправленно вражеским) или цивилизацией. Обе системы живучи только в том случае, если они обладают:

- «корпусом» и его инфраструктурой («переборками», системами транспорта, связи и пр.);
- источником энергии и двигателем достаточной мощности;
- средствами познания окружающей реальности (навигационными инструментами, картами и лотциями, радиолокаторами и эхолотами, информационными средствами);
- средствами защиты (оружие, боеприпасы, кадры и организация);
- сплоченной и мотивированной общностью людей с необходимой структурой ролевых функций (команда, нация и т.д.);
- управляющей и организующей подсистемой, задающей цель, курс, способ действий.

Порча, деградация или поломка всех этих подсистем ведут к снижению живучести (жизнеспособности). Это снижение, приближаясь к критическому порогу, грозит «гибелью».

Конечно, есть подсистемы цивилизации, которые находятся за рамками аналогии с кораблем. Корабль живет недолго, он легко выдерживает ремонт и «пересборку» (например, замену машины, капитана и команды) без утраты его идентичности. Иное дело – цивилизация.

Например, жизнеспособность цивилизации как системы, существующей в «большом времени», требует ее постоянного воспроизводства. Оно в высшей степени зависит от «генетического аппарата» и механизмов репродуктивной функции. Если все механизмы, которые обеспечивают воспроизводство

цивилизации, начинают давать сбои или повреждают ее генетические программы, цивилизация может быть переформатирована (вплоть до «гибели») за два-три поколения, то есть за полвека – даже при удовлетворительном функционировании остальных механизмов и агрегатов.

При обсуждении проблемы жизнеспособности России придется оценивать состояние ее систем. Для оценки систем нужны показатели (индикаторы). Это измеримые параметры, надежно связанные с интересующими нас величинами, которые трудно измерить непосредственно (латентными величинами). Так, в словаре сказано о корабле: «Живучесть судна определяется его плавучестью, непотопляемостью, остойчивостью, взрыво- и пожаробезопасностью».

Все эти показатели – хорошие метафоры для нашей темы. Вот, плавучесть, то есть «способность судна плавать при заданном количестве погруженных на него грузов. Плавучесть судна характеризуется водоизмещением судна и запасом плавучести». Россия – огромная цивилизация (велико водоизмещение этого корабля), но для некоторых исторических вызовов «запаса плавучести» ей не хватало.

Например, корабль «Российская империя» не смог вынести груза «капиталистической модернизации» – балласт сословного общества и ряда несовместимых с западным капитализмом структур слишком уменьшил плавучесть. Ее запаса не хватило, чтобы выдержать Первую мировую войну и революцию.

Холодная война оказалась избыточной нагрузкой для СССР, и «запаса плавучести» тоже оказалось недостаточно, чтобы ее выдержать. В принципе, была возможность его увеличить, если бы эта проблема была понята государством и обществом. Однако «капитаны» после смерти Сталина ошиблись в оценке этого показателя в 1960–1970-е годы. Они как будто забыли простую истину: «Водонепроницаемость судна – способность наружной обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков судна не пропускать воду, обеспечивая его плавучесть».

Именно это условие и выполнял СССР, закрывая себя «железным занавесом». Сталинизм какое-то время обеспечивал «водонепроницаемость судна» при помощи «наружной обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков». Он вынужден был делать это из тех материалов и теми средствами, которые тогда имелись в наличии.

Чтобы устраивать гласность, требовалось сначала увеличить «запас плавучести» или уменьшить нагрузку. Но главное – надо было обеспечить «водонепроницаемость судна». Если «железный занавес» устарел и не годился для нового общества и агентов внешней среды, следовало изготовить наружную обшивку из иного материала. Но капитаны 1980-х годов просто пробили дыры в обшивке, палубах и люках – и утопили корабль. Живучесть СССР как цивилизационной ипостаси России была подорвана ошибочными (или вредительскими) действиями капитанов и офицеров «корабля» еще до того, как был исчерпан запас плавучести.

Россия вынырнула после «демократической революции» в виде обрубка, уродливо переформатированная «ельцинизмом». Теперь ее жизнеспособность определяется действиями команд и теми штормами, которые могут возникнуть во внешней среде по не зависящим от нас причинам.

Важнейший индикатор живучести – непотопляемость судна. Это «способность судна после затопления части помещений оставаться на плаву и сохранять остойчивость».

Стоит заметить, что учение о непотопляемости было создано в начале XX века С.О. Макаровым и А.Н. Крыловым. Проблема была настолько важна, что А.Н. Крылов изложил свои представления С.О. Макарову телеграммой 16 февраля 1903 года. Концепция была развита советскими учеными и представляет эвристическую ценность и для нашей проблемы.

Так, в своей телеграмме А.Н. Крылов особо подчеркивал значение остойчивости и формулировал принципы ее повышения, прежде всего, расположения переборок, разделяющих трюмы на отсеки. Он писал: «Водоотливная система бессильна в борьбе с пробоинами... Принцип же подразделения должен быть тот, чтобы плавучесть утрачивалась ранее остойчивости – короче, чтобы корабль тонул, не опрокидываясь».

Корабль должен тонуть, не опрокидываясь! Это важная

формула. Достоинство тонуть, не справившись с непосильным вызовом, – значит равномерно исчерпать весь потенциал жизнеспособности. Во время перестройки СССР именно «перевернулся», чего почти никто не мог и ожидать, настолько большим еще был запас плавучести. Остойчивость была утрачена раньше плавучести. И «корабль» не смог справиться с бурей, так как ««стойчивость судна – способность судна противостоять внешним силам, вызывающим его крен или дифферент, и возвращаться в первоначальное положение равновесия после прекращения их действия».

В приложении к России мы можем вспомнить большие бури – революцию 1917 года и Великую Отечественную войну. В обоих случаях корабль «Россия» продемонстрировал поразительно высокую остойчивость. В 1917 году Российская империя легла на дно, но не опрокинулась, и была быстро поднята, «отремонтирована» и модернизирована под флагом СССР. А при Горбачеве «корабль» перевернулся.

Было бы полезно провести сравнительный анализ этих трех случаев – без давления идеологических догм и уже без гнева и пристрастия, как анализируются технические аварии и катастрофы.

Цивилизация и вызовы.

Системы цивилизации, как и корабля, надо оценивать не в благополучные периоды, а в те моменты, когда они должны отвечать на вызовы. Живучесть корабля проверяется штормом. В этот момент и следует оценивать или даже измерять главные показатели живучести, о которых говорилось выше.

Для исторических вызовов, с которыми сталкивается цивилизация, остается полезным сравнение с кораблем. Так, в конце XX века Россия, уже будучи ослаблена собственным кризисом, вошла в зону «шторма» – общего кризиса индустриализма. Этот шторм ее и сегодня треплет, и она несет тяжелые потери потому, что в 1990-е годы сбросила с себя все защитные устройства – от водонепроницаемой обшивки до люков и перегородок.

А в 1941 году на Россию (СССР), только-только вставшую на ноги после семи лет тяжелейшей войны, надвинулся даже не шторм, а ураган нашествия фашистской Германии, усиленный потенциалом всей континентальной Западной Европы. Сила его была колоссальна, но наш корабль выдержал – вот и учебный материал для оценки советских систем. Война – экзамен, очищенный от идеологии.

Вот важная система цивилизации – служба распознавания и оценки вызовов. Это «прибор ночного видения» цивилизации. Можно предложить индикатор его оценки – достоверность предвидения, интервал времени между моментом распознавания угрозы и моментом ее реализации. Например, форсированная индустриализация СССР началась (и была принята обществом) именно под девизом «осуществить за 10 лет, иначе нас сомнут». Скелетом промышленной системы сделали ВПК, а вся технологическая база, вплоть до макаронных фабрик, изначально имела «двойное назначение». На войну был рассчитан и поворот начала 1930-х годов к «патриотическому воспитанию» – столь резкий, что он поразил эмиграцию.

Удивительный по нынешним временам уровень предвидения был присущ и атомной программе. Вот ее график:

- записку с идеей этой программы подал В.И. Вернадский в 1910 году, на нее не обратили внимания;
- ВСНХ предложил Академии наук организовать исследования в этой области 29 марта 1918 года;
- в начале 1922 года заработал завод по производству радия;
- первый ускоритель элементарных частиц был пущен в 1922 году;
- в 1938 году в АН СССР была образована Комиссия по атомному ядру, ее планы предусматривали строительство большого ускорителя в 1941 году и добычу 10 т урана в 1942–1943 годы;
- первая статья о делении ядер при бомбардировке нейтронами (в Радиовом институте) была представлена в журнал «Доклады Академии наук» всего через два месяца после публикации об открытии в 1939 году деления ядер.

- в ноябре 1942 года И.В. Сталин в беседе с академиками А.Ф. Иоффе и В.И. Вернадским поставил вопрос о создании атомной бомбы. Руководителем атомного проекта был назначен И.В. Курчатov. В 1943 году для этого создано научно-исследовательское учреждение «Лаборатория измерительных приборов № 2 АН СССР».

Научно-техническая работа в этой области сопровождалась интенсивной пропагандой. В новогоднем номере «Известий» 31 декабря 1940 года целый подвал занимала статья под названием «Уран-235». А в «Правде», в № 1 за 1941 год, был помещен шарж Кукрыниксов, где около елки находятся самые прославленные люди страны: Шостакович, Шолохов, Капица... и молодые физики Флеров и Петржак, которые в мае 1940 года открыли спонтанное деление урана.

Эта непрерывная работа по предвидению и конструированию будущего – индикатор жизнеспособности цивилизации.

Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 1970-е годы. Так, не были правильно оценены сообщения о переносе направления ударов информационно-психологической войны против СССР с социальной сферы на этническую. Было проигнорировано обновление теоретической базы доктрины этой войны – принятие за основу теории Грамши о культурной гегемонии. Можно сказать, что речь шла о смене парадигмы.

Не было никакой реакции на создание в США политических технологий постмодерна, использующих новаторский опыт фашизма и «молодежных бунтов» 1960-х. Соответственно, СССР не смог адекватно ответить на вызов «Солидарности», которая была мотивирована именно коммунистическим фундаментом, но использована против СССР. Советская цивилизация утрачивала жизнеспособность.

После краха СССР положение ухудшилось. В постсоветской России после «обретения независимости» была отключена сама функция распознавания угроз. Россия напоминает корабль, который идет в штормовом море в районе рифов со сломанными радиолокатором и прожекторами.

Антироссийским политехнологам удалось выработать методы профанации самого мировоззренческого понятия «вызов». Более того, удалось воспитать у населения ненависть к большим мобилизационным программам предотвращения угроз. Само осознание жизни народа как непрерывного ответственного дозора было вытравлено из мышления молодежи. Силами масс-культуры и СМИ в России уже в течение двадцати лет ведется интенсивная кампания осмеяния самого понятия борьбы.

Даже в ходе нынешнего финансового кризиса, которым «нас заразила Америка», в общественном сознании не возникло вопроса, каким образом Россия (в форме СССР) почти целый век защищалась от этой заразы. Целая серия финансовых кризисов мировой экономики прошла незамеченной для советского хозяйства. А теперь сама идея активной защиты от какой-то цивилизационной угрозы выпала из интеллектуального арсенала российского общества. Это – снижение жизнеспособности еще на одну ступень.

Важным индикатором жизнеспособности цивилизации (как и страны) является выполнение функции целеполагания. Она также ставит цивилизацию перед вызовом – но не угроз, а надежд. Цивилизация задает какой-то вселенский проект, указывает цель как образ светлого будущего. Российская империя складывалась как православная цивилизация с мощной эсхатологией, она задавала образ будущего, опирающийся на справедливость и всечеловечность. Та форма цивилизации не выдержала кризиса модернизации «по программе западного капитализма» – и была «переформатирована» революцией. В форме СССР тот же образ будущего был вновь связан идеей всечеловечности и справедливости. Поэтому Россия – и в форме Империи, и в форме СССР – была глобальным оппонентом Запада в конкуренции проектов благой жизни. И, в принципе, эта конкуренция усиливала жизнеспособность обеих сторон.

Заострим проблему жизнеспособности. Даже негативное целеполагание – мессианская идея, ведущая к гибели – служит

признаком духовного подъема и жизнеспособности. Вот притча о протестантском мессианизме – «Моби Дик». Перед нами образ корабля, на котором взбунтовался капитан. Он пренебрег целью, заданной судовладельцем и принятой к исполнению командой, и повел корабль на поиски кита, олицетворявшего Зло. Нашел, вступил с ним в бой, погубил корабль и его команду. Во всем этом жизнеспособность бьет ключом.

В генезисе Российской Федерации – тоже бунт и заговор капитанов, Горбачева и Ельцина. Вопреки клятвам, которые они давали «судовладельцам», эти капитаны повели корабль ложным курсом и буквально продали его барышникам. Тут не было и капли мессианского чувства, а был циничный обман надежд и своего народа, и, в общем, человечества.

Каково же положение сегодня?

Во-первых, русская советская культура конца XX века утратила инструменты и навыки для войны «образов будущего». Мы не только проиграли эту войну, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами. Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в 1990-е годы, но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

М.С. Горбачев явно следовал программе-вирусу, его целеполагание стояло на идее разрушения страны, которой он взялся руководить. Он постоянно подчеркивает, что добился своей цели. Сами эти утверждения (независимо от их достоверности), очень важны для нашей темы. Они – признак резкого ослабления жизнеспособности. Они говорят о воле к смерти – особой болезни цивилизаций. Тот факт, что нынешняя власть явно не отмежевывается от этих целей и даже продолжает демонстрировать им лояльность, создает внутренний раскол, снижающий жизнеспособность цивилизации. Она разделяется на две враждебные части.

«Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит».

Ежедневно подтверждая свою трактовку СССР как «империи зла», государство России, живущее ресурсами, унаследованными от этой «империи», само уничтожает свою легитимность как цивилизации. Из опыта последних двадцати лет следует, что политики променяли добытый за три века статус России как крупной локальной цивилизации (восточно-христианской или евразийской) на конъюнктурные выгоды антисоветизма. С точки зрения интересов исторической России это обмен невыгодный. Власть промотала огромное национальное достояние.

Если по аналогии с описанием всех систем корабля, которые обеспечивают его живучесть, пробежать по перечню функций и систем государства, то мы увидим, что Россия утратила много качеств, придающих жизнеспособность целому. Опять же для примера можно указать на такое качество корабля, как «поворотливость». Россия стала столь неповоротливой, что это надо считать загадочным явлением.

Достаточно сравнить скорость реакции на «повороты руля» в СССР 1930–1950-х годов и в России после 1999 года. Задача «перехода на инновационный путь развития» была поставлена, вполне искренне, В.В. Путиным в 2001 году, но ни одна структура России не шелохнулась и поныне. Это новое качество, видимо, служит защитой от припадков острого безумия «рулевых», но лишает маневренности, необходимой для ответа на большие вызовы.

Воспроизводство цивилизации.

Воспроизводство цивилизации есть процесс непрерывный и динамичный. Его нельзя «пускать на самотек» ни на момент, это бессменная вахта народа и государства.

Воспроизводство – это не сохранение чего-то данного и статичного, а развитие всех подсистем цивилизации в меняющихся условиях, но при сохранении ее культурного «генотипа», центральной цивилизационной матрицы.

Цивилизация означает комбинацию большого числа признаков. Можно выделить устойчивое ядро этой системы, хотя подвижная и противоречивая «периферия» в конкретных ситуациях может маскировать это ядро. В ядре имеются признаки *sine qua non* – те, без воспроизводства которых в следующем поколении резко меняется вся система цивилизации.

Для России в начале XXI века воспроизводство себя как цивилизации стало проблематичным. Актуальность этой проблемы придали два катастрофических события конца XX века.

Во-первых, СССР, в формах которого была воплощена Россия на протяжении почти всего XX века, потерпел поражение в холодной войне с Западом. Запад, победивший в большой цивилизационной войне, «проник» в Россию, овладел ее важнейшими невралгическими центрами и, конечно, оказывает и долго еще будет оказывать непосредственное влияние на нашу судьбу.

Поверженная Россия должна «переварить» все цивилизационные яды, которые победитель будет впрыскивать в ее организм. Ей предстоит восполнить колоссальные изъятыя ресурсов, выплачиваемые ею сегодня как дань, вытерпеть все издевательства наместников и надсмотрщиков, которые будут растлевать и перевербовывать молодежь.

Во-вторых, в конце 1980-х в России само государство начало реформы, которые ставили целью «возвращение в наш общий европейский дом», то есть переделку жизнеустройства России по западным образцам. Эта реформа представляет собой попытку устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», пусть и похуже. Этот курс реформ неоднократно подтверждался как неизменный и обсуждению не подлежал. Вероятно, туземное правительство побежденной цивилизации и не может вести себя иначе, но в России оно действует, кажется, с избыточным рвением.

Так или иначе, проблема воспроизводства Россией новых поколений всех ее систем как «себе подобных» чрезвычайно осложнилась. Условием жизнеспособности цивилизации является надежная защита ее генетического аппарата, который выполняет свои функции только при условии его высокой устойчивости. Непрерывный мониторинг наличия в среде главных мутагенов, их удаление или нейтрализация требуют существенных затрат. Они должны быть «защищенной статьей» любого бюджета.

В данный момент положение России в этой сфере безопасности не просто неудовлетворительное, а угрожающее, так как ни государство, ни организованные силы общества не выполняют своих функций. В обыденном сознании эта проблема как самостоятельная вообще не фигурирует. Защита складывается стихийно, и эффективность ее низка.

Перечислим главные системы цивилизации Россия, которые надо непрерывно воспроизводить:

- Народ (нация) в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте (то есть нужно воспроизводить весь перечень необходимых для жизни цивилизации общностей, выполняющих весь набор важнейших ролевых функций).

- Природные условия (территория, почва и недра, водные ресурсы, биогеоценозы).

- Культура во всех ее срезах, в частности:
 - универсум символов и ценностей;
 - знания, навыки и умения, системы их социодинамики;
 - искусство.

- Техносфера.
- Хозяйство.
- Государство.

В целом, воспроизводство всех этих систем России идет в настоящее время в чрезвычайном, а не штатном режиме. Мы переживаем период суженного воспроизводства, продолжается сокращение и качественная деградация важных подсистем каждой сферы. Ресурс этих систем еще не исчерпан, но на ряде направлений мы подошли к критическим порогами. Жизнеспособность России снижается. После 2000 года наблюдаются улучшения потока (например, годового ВВП или производства стали) при ухудшении фондов (базы, «запаса»).

В качестве примеров назовем следующие.

В условиях нынешней России обучение молодежи и ее цивилизационная индоктринация («передача цивилизационных кодов») идут в «мутагенной» среде – передаваемые молодежи сигналы целенаправленно искажаются и фальсифицируются. Цивилизационная холодная война продолжается, глупо это игнорировать. От общественных и государственных институтов

зависит, чему обучают ребенка, защищены ли передаваемые ему коды от «программных вирусов», могут ли цивилизационные противники подключиться к информационным каналам и заполнить их своими сообщениями.

Совокупность цивилизационных признаков представляет собой систему, каждый главный признак – «срез» всей этой системы. Например, такой фундаментальный признак цивилизации, как господствующая в ней антропологическая модель («Что есть человек?») выражается и в отношениях собственности, и в организации здравоохранения, и в праве, и в обыденном поведении. Воспроизвести этот признак в новом поколении – значит обучить детей и подростков тому, как в России понимается человек – в отличие от Запада. И не только обучить, но достичь интериоризации этого понимания, хотя и с новыми нюансами. В ходе этой передачи «генетической» информации и разыгрывается в России цивилизационный конфликт. Именно этот фундаментальный код стремятся заменить в последние двадцать лет. Исход этого конфликта и предопределяет облик России через двадцать лет.

Конструктивная роль государства в сохранении цивилизации выражается в организации и содержании систем и институтов, которые непосредственно воспроизводят народ в его системных качествах. К таким институтам относится, например, народное образование (школа). Так, превращение народов и народностей средневековой Европы в «буржуазные» нации современного Запада потребовало создания школы совершенно нового типа, с новой организацией учебного процесса, новым типом программ и учебников. Эта школа стала «фабрикой субъектов» – специфического человека западной цивилизации. Превращение бывшей советской школы именно в такие «фабрики» и составляет суть школьной реформы в России. Дети и подростки России в настоящий момент получают в семье, в школе и через СМИ противоречащие друг другу или даже взаимоисключающие установки относительно главного для цивилизации вопроса «Что есть человек?».

Надо подчеркнуть, что резко нарушено системное воспроизводство народа, а общественное сознание акцентируется только на количественных параметрах демографических процессов. Идет деградация структуры народа, резкое сокращение или даже исчезновение системообразующих для современной цивилизации общностей (например, рабочего класса или научно-технической интеллигенции). В 1990-е годы были резко прерваны программы сплочения и развития сообществ, составляющих каркас общества, не обеспечиваются персоналом необходимые для воспроизводства и поддержания цивилизации функции.

Кроме того, разрушается этническая система России, сложившаяся на сложной и специфической матрице. Прерван процесс социокультурной интеграции этнических общностей в гражданскую нацию. Так, резко сократилось число межэтнических браков, одного из главных инструментов ослабления этнических барьеров и сборки больших наций. Идет неконтролируемое, кризисное передвижение по территории и перемешивание этнических общностей – этническая миграция, вызывающая болезненные процессы и повреждающая структуру цивилизации. Механизмы воспроизводства России в этой плоскости продолжают деградировать.

Из опыта последних 20 лет можно сделать вывод, что «новая культура», насаждаемая в России, есть средство деструкции общества и демонтажа русского народа как ядра цивилизации. Это – главный смысл «новой культуры», ее вектор. Какие-то точечные достижения и творческие удачи есть не более чем нечаянные радости или тактические уступки.

В этом срезе прогноз тревожен. Угроза вырождения культуры России (а значит, и распада цивилизационной матрицы) воспринимается большей частью граждан как вполне реальная. Никаких попыток сплотиться для ее предотвращения не наблюдается. Скорее, люди думают о способах личного спасения и выживания небольших общностей (семейств, родов, кланов). Многие в нынешней России смирились, поскольку питают иллюзию, что они лично (и их дети) попадут в число избранных и войдут в «мировую цивилизацию» (в «постчеловечество»).

Множественные структурные и ценностные мутации, кото-

рые производит нынешняя реформа в России как цивилизации, подрывают воспроизводство всех ее главных структур. Без целенаправленной защиты «генетического аппарата» и его «ремонта» Российская Федерация утратит признаки той цивилизации, которая была известна в мире как историческая Россия. Облик новых цивилизационных и культурных образований, которые возникнут на ее месте, пока не поддается рациональному предсказанию.

Хозяйство в цивилизации – не просто аналог двигателя и систем жизнеобеспечения корабля. Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во всех составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

После 1991 года в России была провозглашена программа замены институтов и систем на институты и системы чужой цивилизации, по шаблонам англо-саксонской рыночной системы.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт купли-продажи, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой цены. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится рынок.

Напротив, в России акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной купли-продажи – рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Был велик вес отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в таком обществе семья.

Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Это, как правило, приводило к огромным издержкам или к провалу реформ, к острым идейным и социальным конфликтам.

В.В. Путин сказал о 1990-х годах: «за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». Это – страшный удар по жизнеспособности. Следствием стала быстрая утрата населением России признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь – важный учебный материал. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленности была восстановлена за два года, а хозяйство в целом – за 5 лет. В 1955 году объем промышленного производства превзошел уровень 1945 года почти в 6 раз, а сельского хозяйства – почти в 3 раза. Это – индикатор жизнеспособности. Сейчас промышленность только-только выходит на уровень 1990 года (это до кризиса конца 2008 года), а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этого уровня достигнет. А реформа длится уже 20 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело явно не в мелочах, причинах фундаментальны и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Необходимо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, которое было необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Сделанные за счет этих средств инвестиции создали условия для рывка, благодаря которому Запад в XX веке получил возможность получать с остального мира «интеллектуальную ренту» научно-технического лидера и ренту от эмиссии мировых валют (доллара, а теперь и евро). Этим источникам Россия не имела и, видимо, иметь не будет. Уже поэтому имитация западной системы хозяйства не позволит России сохранить статус цивилизации.

Доминирующей тенденцией в хозяйстве является проедание капитальных фондов, растрата созданных предыдущими поколениями унаследованных богатств, а также природных богатств, предназначенных для жизнеобеспечения будущих

поколений. Такой хозяйственный порядок допустим для цивилизации только как аварийная краткосрочная мера, с целью пережить катастрофу. Этот допустимый интервал времени мы почти исчерпали или близки к этому порогу. Цивилизация в ее нынешних формах принимает черты паразитической, следовательно, каким-то образом будет переформатирована.

Состояние «личного состава».

Цивилизация жизнеспособна, когда весь ее «личный состав» ощущает себя ее строителями и защитниками, все связано узами ответственности и «горизонтального товарищества». Демонстративный отказ власти или сословий выполнять этот негласный договор подрывает связность народа или нации и лояльность населения.

Мотивация населения на личные усилия по сохранению цивилизации может упасть почти до нуля (это наблюдалось в Риме периода упадка, в Византии, в Российской империи в 1917 году и в СССР в 1991 году). И сейчас мы видим, как жизнеспособность нынешней России снижалась в 1990-е годы из-за падения мотивации.

Индикатором может служить отношение к службе в армии. Еще в 1988–1989 годах она была институтом, который пользовался очень высоким доверием граждан (70–80%). Но уже в 1993 году от службы уклонилось 80% юношей призывного возраста, укомплектованность армии и флота упала до 53%. В осенний призыв 1994 года Сухопутные войска получили только 9% необходимого числа призывников.

Подрыв легитимности государства в какой-то мере обусловлен и продолжающейся психологической войной против России, но все же в большей мере утрата авторитета государством вызвана его дезертирством с многих его «постов», традиционно предписанных нормами цивилизации.

Вот вывод социологов в 2004 году: «В период 1993–1997 годов все параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам. В настоящее время высокий рейтинг Президента можно рассматривать как сугубо символический, поскольку доверие гаранту Конституции и законности не сопровождается уважительным отношением к государственным институтам власти: Думе, Правительству, органам правопорядка».

Высока ли живучесть корабля с такой командой?

Государство отошло (еще не совсем, но уже слишком далеко) от выполнения своих служебных обязанностей в охране здоровья и образовании народа. Динамика показателей заболеваемости населения, включая новорожденных, детей и подростков, представляет собой страшную картину. Она такова, что удивляться надо именно стойкости населения, его долготерпенью как главному фактору жизнеспособности России.

Но это долготерпенье не может компенсировать утраты квалификации, которая необходима, чтобы нести ношу цивилизации. По данным Минобороны, до 25% призывников из сельской местности России оказываются фактически неграмотными, а в 1997 году полностью неграмотным был каждый десятый призывник в Сибири. О том же говорит и уголовная статистика. По данным отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД РФ, каждый третий правонарушитель школьного возраста в 1999 году не имел даже начального образования!

Вот удары реформы по жизнеспособности России. По совокупному «индексу человеческого развития», принятому ООН, СССР в 1970 году занимал 20-е место в мире. В 1995 году Россия (уже без республик Азии) находилась во второй сотне государств – в бедном сегменте стран «третьего мира». Возникновение в начале XXI века значительного контингента подростков, лишенных школы, означает появление в России совершенно нового, неведомого нам социокультурного типа. Он уже не может вернуться к культуре общинного крестьянина, а заполняет цивилизацию трупоб, особую экстерриториальную цивилизацию капитализма, экзистенциально враждебную любой локальной цивилизации.

Теперь кратко выскажу гипотезу, которую подсказал последний эпизод кризиса («финансового», которым нас «заразили»).

Это обострение кризиса побудило поднять вопрос, на кого Россия может опереться в трудный период. Кто определяет нынче ее жизнеспособность? Какая общность станет локомотивом, который вытаскивает Россию из кризиса? На кого делает ставку государство? Оказывается, на средний класс. Он представляет ядро общества и социальной базы власти. В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть.

Называть, как сделал В.Ю. Сурков, период 2000–2008 годов эпохой среднего класса – гротеск. «Гегемон» не только не определен внятыми признаками, он воспринимается как явление переходящее и нежизнеспособное, артефакт смутного времени, заслуживающий легкого сострадания. Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усиления?

Чтобы оценить символический эффект образа среднего класса, представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий этот образ. Каким может быть такой памятник? Монумент «Челноки»? Поставим его в один ряд с уже известными монументами, символизирующими советский культурный тип. Это скульптурная группа «Рабочий и колхозница», памятник Воину-освободителю в Трептов-парке. Такое сравнение для «среднего класса» убийственно, речь идет о несоизмеримых по потенциалу и консолидирующей силе социальных общностях.

В ходе обсуждения роли среднего класса телеведущий Владимир Соловьев подчеркнул, что это – «класс потребителей, а значит, именно он является двигателем всего, что происходит в стране». Класс потребителей! И на него возлагается миссия спасения страны!

Ясно, что сам классовый подход не отвечает типу угроз для России. Преодоление нашего кризиса возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Кто же автор и носитель такого проекта? Надклассовая и надэтническая абстрактная общность – «культурно-исторический тип», по определению Н.Я. Данилевского.

Данилевский предложил признаки для различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «обобщенный индивид». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение сущность – народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Заимствование верхушечных структур культуры одной цивилизации от другой происходят, по выражению Данилевского, в форме трех видов – «колонизации», «прививки» и «удобрения».

Колонизация – механический перенос структуры с одной культурной почвы на другую («пересадка с одного места на другое посредством цивилизации»). Метафора прививки трактуется негативно – «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится средством для черенка (как это было, по мнению Данилевского, в реформах Петра). «Удобрение» оценивается положительно – это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого схоже с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянием улучшенного питания на организм животный». Но главное для нас в этой концепции заключается в том, что во всех случаях воздействие извне осуществляется через один и тот же культурно-исторический тип. Другого «великана» (хотя бы и маленького) в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

Это представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. В книге «Закат Европы» он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Западом как «модернизации». О. Шпенглер применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии. Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, рефор-

мы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот – ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только что не доходит складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустую форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, чьи чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издали силе ...»

Псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: петровская Русь... Примитивный московский царизм – это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы. ... Народ, назначением которого было – в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для истинной русской сущности был просто-напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути.

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. У любой известной истории цивилизации можно сказать, что она – псевдоморфоз (античная цивилизация Греции взяла многие формы не только у Египта, но и у черной Африки – и что из этого?).

Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «России-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлением искать какие-то «свои» подходы и формы (особый путь) вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского-Шпенглера. Но в главном эти крайности сходятся.

История XX века заставляет отказаться от концепции Данилевского-Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX века с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) нескольких культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию.

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX века вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX века писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возгласил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 года. Но он был сметен гораздо более мощной волной советской революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего, важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям

экзистенциальных противоречий? Кто противостоит реформам при внешней апатии и полном конформизме населения?

Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ.

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советская школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд ключевых качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада.

Общности, которые являлись конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень – последовательно, одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал снижаться и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, мещанством. К 1970-м годам мещанство сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул лямку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи уже в 1950-е годы разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перефилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано.

Суть философии мещанства – «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин – это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понижить личности». Это – духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов), оно пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью. Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов – все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело». Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами – и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы – целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом – важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, дадим один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике когнитивной активности рабочих. В 1922 году продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 годом на 537 часов. Люди их использовали, первым делом, на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 год выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 1960-х годов начался резкий откат. Среди работающих мужчин г.Пскова в 1965 году 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 году таких осталось 5% и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1998 году это число сократилось до 2,3%.

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 1970–1980-е годы, а потом был загнан в катакомбы. Господствующее положение заняло мещанство, в том числе криминализованное. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

В ближайшие 10–15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он – молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа – стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповаает на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

«Сборка» дееспособных социокультурных общностей и организация диалога между ними – актуальный вопрос национальной повестки дня. В этот раз достичь в полной мере цивилизационного переформатирования России, скорее всего, не удастся. Способности к регенерации поврежденных структур у нашей страны очень велика. Цивилизация такого масштаба и с таким разнообразием элементов и связей, как Россия, представляет собой слишком большую и сложную систему, на ее слом у реформаторов не хватит ни экономических, ни культурных ресурсов. Хотя, очевидно, изуродуют сильно.

Задача в том, чтобы свести к минимуму травмы и мутации несущих цивилизационных конструкций России или, в облегченном варианте, не допустить, чтобы травмы и уродства не превзошли некоторый критический порог. Мы от него уже недалеко.